

тихим эхом в душах всех людей. Мы, молодежь, должны научиться ценить мирную жизнь, ведь именно ради неё бились, отдавали жизни все те, кто был на войне.

Довголенок Марина,
студентка института
социально-гуманитарного образования

Война глазами детей

Дата 22 июня 1941 всё дальше уходит в историю Великой Отечественной Войны. Шрамы, оставленные войной, кровоточат и по сей день. В нашей стране нет, наверное, семьи, которую обошла бы стороной эта страшная страница истории. Еще живы люди, которые знают о войне не понаслышке. Люди, у которых война забрала самое дорогое – близких. Люди, у которых война отняла детство.

Эту историю мне когда-то рассказала пожилая женщина, которая была ещё ребёнком, когда началась война. Таких историй, к сожалению, немало.

В последнее время в деревне было тихо. Изредка откуда-то доносились одиночные выстрелы и мелькали в лесу огоньки от костра. Только за эту неделю в полном составе погибла семья Аверковых. Мужа Светланы Адамовны забрали на фронт еще в первые дни войны, вестей от него не было уже давно. Позапрошлой ночью я услышала, как скрипнула их калитка и в дверь громко постучали. В доме зажгётся свет. Трое невысоких мужчин зашли в дом, а еще двое остались курить у машины. Раздался выстрел. Я укутала спящую сестрёнку в платок и быстро спустилась в подпол. Нашу маму убили ровно два месяца назад. Отец, как и все, ушёл на фронт. А я и Сонечка остались одни. Мне восемь лет. Моей сестричке Сонечке два с половиной. Я откинула крышку пола и вылезла в дом. Сонечка спала на лавке. Наш дом стоял в двух домах от Аверковых, я решила выйти во двор. В деревне стояла мёртвая тишина. Только дед Степан причитая и ругаясь матом заколачивал разбитое окно досками. Я подошла к забору Аверковых. В доме было тихо. Я прошла внутрь и увидела Светлану Адамовну уже мёртвой. Я не испугалась. Такое я уже видела. Я посмотрела на её лицо и вспомнила маму. У них были длинные волосы мышиного цвета, только у Светланы Адамовны были красивые полные губы, а у мамы словно две яблоневые веточки. Они дружили с мамой, еще до войны. Светлана Адамовна часто приходила к нам в гости, и я любила подслушивать их с мамой разговор. В основном говорила Светлана Адамовна. Мама всегда была молчаливой. Я смотрела на мёртвую соседку как заворуженная.

Её волосы были сплетены в тугую длинную косу, глаза были закрыты. А кожа была словно мраморная – ни кровинки. В руке у нее был зажат платок. Муж Светланы Адамовны работал в Сельском Совете. Оттого по праздникам они ездили на базар в город. И он каждый раз покупал ей какой-нибудь подарок. Я помню, как счастливая Светлана Адамовна прибежала к нам во двор хвастаться новым приобретением – платком. Этим, что сейчас она держала в руках. Мамины глаза вновь потухли и она лишь прозрачно улыбнулась. Наша семья была небогатая. Где работал папа – я не знаю. Мама говорила, что он работает «на прислужках». И позволить себе новые вещи мы не могли. Мама умела красиво шить. Летом из своих старых юбок она шила мне сорочки. А после того как родилась Сонечка совсем стало тяжело. Но мы не унывали. Иногда папа приносил немного зерна или целую буханку хлеба. В основном ему платили продуктами. Как-то раз он принёс домой полкулька леденцов. Мама на него тогда сильно ругалась, папа стоял молча, опустив глаза в пол. А потом ушел во двор, громко хлопнув дверью.

Так рядом с мертвой Светланой Адамовной я и просидела около часа. Во дворе стукнула калитка и я, вырвав платок из её рук, спряталась за печку. Она была еще тёплой. В дверь глухо постучали. Подождав пару минут, кто-то вошёл. Я затаила дыхание и вдруг вспомнила о Сонечке, которая совсем одна осталась спать на лавке под полом. На счастье это был всё тот же дед Степан, но я не стала вылазить, побоялась, что он начнёт меня стыдить за платок. Он тихо выругался и ушел. Я скрутила платок и, засунув его под кофту, побежала домой.

Сонечка ещё спала. Я накрыла её поверх платком Светланы Адамовны. И села рядом. Есть в доме было нечего. Сонечка в последнее время часто болела и с каждым днём чувствовала себя всё хуже. Её щёки впали, нос вытянулся и она постоянно спала. Каждую приходящую ночь я вспоминаю маму.

В тот вечер к нашему дому тоже подъехала машина, мама быстро пригасила керосинку, схватила меня и Сонечку и откинула крышку в полу. Приказала сидеть тихо и присматривать за Соней. Захлопнула крышку и вышла из дома. Я не знала тогда еще, что вижу маму живой последний раз. Глаза её были испуганные, руки холодные. Я тихо села на лавочку, прижимая к себе сестру. Со двора слышались мужские голоса, маминого голоса почти было не слышно. Завёлся мотор машины, я стала ждать возвращения мамы. Мама вдруг что-то громко заговорила. Прогрели два глухих выстрела.

Сонечка вздрогнула. Я вздрогнула вместе с ней и замерла. Так я просидела до самого утра. Когда в доски начал литься дневной свет, я вместе с Соней начала выбираться наружу. Дверь в дом была плотно захлопнута. А мамин пуховый платок остался лежать на столе. Я приоткрыла дверь и выглянула во двор. Во дворе было тихо. Я вышла во

двор и увидела маму. Она лежала на земле, её худые руки были раскинуты, лицо забрызгано кровью. Я подбежала к маме и начала её трясти. Я ждала, что она откроет глаза. Мама была холодной и очень тяжёлой. Я поняла, что мамы больше нет.

Сердце моё заколотилось, голова стала наливаться свицовой тяжестью, ком начал резать горло, всё вокруг потемнело, и из глаз брызнули слёзы. Я упала на её грудь, обхватила маму руками и начала громко рыдать, почти кричать. Моей мамы больше нет.

Я и Соня с этого момента остались абсолютно одни. Я услышала, что в доме громко заплакала Сонечка. Я обтёрла мамино лицо от крови подолом, поднялась с колен и пошла в дом. Соня сидела на полу и громко плакала. Взяв на руки маленькую сестричку, я села на лавку. Сонечка дрожала от холода. Я укутала её в мамин пуховый платок и отнесла к Светлане Адамовне. Светлана Адамовна уже проснулась. Она забрала Соню и покликала деда Тихона, который жил прямо рядом с ней, через забор. Они о чём-то быстро поговорили, и Светлана Адамовна повела нас в дом. Она спросила у меня, приносил ли почтальон нам письма последний месяц. Я молча помотала головой. На этом наш разговор окончился. Она налила нам тарелку щавелевого супа и вышла из дома. Примерно через час я увидела в окне, что дед Тихон возвратился домой, за ним вслед зашла и Светлана Адамовна. Я взяла Сонечку за руку и пошла к себе домой. Предварительно взяв Соню на руки и закрыв ей глаза платком, я подошла к двери. Мамы уже не было.

Потом я увидела под дубом, который рос на углу дома, свеженасыпанный бугор. Я поняла, что маму похоронили там. Это был октябрь.

На протяжении месяца в нашу деревню часто приезжали машины. Говорят, искали партизан и тех, кто им помогает. Иногда раздавалось два-три выстрела и на утро мы узнавали, что ещё кто-то из соседей погиб. В каждом дворе была своя могила. У Тумилевичей три: тетя Ира, дядя Гена и их сын. Всех расстреляли в ночь с 24 на 25 октября. У Крупских сразу четверо. И вот убили и Светлану Адамовну.

Так мы с Сонечкой остались совсем одни. К ночи у Сонечки поднималась температура. Печь топили только днём, когда в деревне никого не было, дров было мало. Но целую ночь она держала немного тепла.

Ночью мне снилась мама. Сонечка начала сильно кашлять. Я укутывала её в мамин пуховый платок и наверх накрывала платком Светланы Адамовны. Ей становилось всё хуже. Прихода ночи я ждала со страхом. Если слышала мотор машины, брала еле живую Сонечку и пряталась под пол. Еды в доме почти не осталось. Помогали соседи. Сонечка часто плакала.

Было страшно. Очень страшно. Часто до утра я не могла сомкнуть глаз. Всё смотрела, как там Сонечка. Двор заметало сугробами, днём я сидела у окна и смотрела вдаль. Глаза слетело от

близны, казалось, что и нет никакой войны, только большой сугроб под дубом на углу говорил мне каждый раз об обратном. От отца уже давно не было никаких вестей. В деревне говорили, что он пропал без вести, когда было очередное наступление немцев.

Сонечка совсем ослабла и больше не плакала. Я набирала снега в котелок и ждала, пока он растает – так в доме была вода. Дров совсем не осталось. Лечить Сонечку было нечем.

Каждый раз я боялась, что Соня не переживёт наступающую ночь. Кашель усиливался, температура больше не спадала, а держалась постоянно. Кушать уже не хотелось.

Первого февраля Сонечка умерла.

Душкина Юлия,
студентка факультета
экономики и управления торговлей

Воспоминания о войне

22 июня 1941 года девочке Ляхович Вале, уроженке г. Горки Могилевской области, исполнилось 3 года 7 месяцев и 6 дней. Много ли может запомнить ребенок в таком возрасте? Валя запомнила многое, а спустя 70 лет моя бабушка Валентина Алексеевна Мавло рассказала о своем военном детстве...

Летом 1941 года мой прадед Ляхович Алексей Васильевич в числе многих прочих ушел добровольцем на фронт. Дома, в Горках, остались жена Александра, её престарелые родители и трое детей: 7-летняя Нина, 3-летняя Валя и полугодовалый сын Алеша. Волна страха катилась по белорусской земле. Гремели взрывы, шли на запад отступающие красноармейцы, версницей тянулись беженцы.

А у моего прапрадеда, отца бабушки, Кидалинского Михаила Ивановича в Красной Армии служили сыновья Николай и Яков. Яков летал на истребителе ИЛ – 2 (погиб на Курской дуге). Николай встретил Великую Отечественную командиром авиаистребительного полка под Ленинградом. С весны 1942 г. возглавлял 134 авиационную дивизию. В 1943 г. принял под командование 5-ю бомбардировочную авиабригаду ВВС Северного флота. В конце 1944 г. лихого комдива направили служить в только что освобожденный Севастополь на должность начальника береговой обороны Черноморского флота. Там он и встретил долгожданный День Победы. Погиб 15.10.1952 г. в авиакатастрофе.

Сквер в нашем городе, в котором похоронен генерал-майор авиации Кидалинский Н. М., носит его имя. Воспоминания о славном жизненном и боевом пути братьев Кидалинских хранятся и бережно

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.
□□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□. □□□□□□□□.